

Ричард повернулся к Сюй Миншэну:

— Сюй, тебе повезло.

Сюй Миншэн ответил ему самодовольной и сдержанной улыбкой.

Ричард в душе закатил глаза. Он оставил Ли Чжэну свои контакты, а затем вежливо попрощался.

Всего за полчаса Ли Чжэн собрал бесчисленное множество визиток. Это и была причина, по которой многие ученые с энтузиазмом посещали различные академические конференции — расширение круга общения.

Заниматься исследованиями, заперевшись в четырех стенах, невозможно. Иногда один звонок коллеги мог сэкономить бесценное время.

Однако самым счастливым человеком на этой конференции был не Ли Чжэн и не профессора Гонконгского университета, а... Чжан Юэцзюнь.

Поскольку Чжан Юэцзюнь стоял рядом с Ли Чжэном, а возраст их был примерно одинаков, многие, раздавая визитки Ли Чжэну, совали парочку и ему. Чжан Юэцзюнь уже заметил имена нескольких авторов и даже рецензентов SCI среди этих визиток!

В резком контрасте с Ли Чжэном и его окружением находилась группа ученых из Хуаго.

Раньше из-за политической обстановки у ученых Хуаго редко бывала возможность участвовать в подобных конференциях, поэтому деловые связи у них были естественно слабее.

— Старейшина Мэн, может, подойдем поздороваться? — неуверенно предложил Чэнь Аньбан.

Мэн Цзяинь покачал головой:

— Позже. Сяо Чэнь, позвони на родину и узнай, кем был дед Ли Чжэна.

Он вздохнул, словно разговаривая сам с собой:

— У нас в Хуаго до сих пор нет своего оригинального препарата.

Все ученые из Хуаго замолчали.

Группа из Гонконгского университета вернулась в отель на машине. Весь путь Сюй Миншэн не мог сдержать улыбки.

— Ха-ха-ха, вы видели выражение лица Джонсона? Просто забавно! Этот старик явно сделал это намеренно, зная, что мы можем делать доклад о вирусе RESE! Всякие подлые приемы! Он не ожидал, что у нас есть маленький гений.

— Ли Чжэн, ты действительно сделал нас гордыми! — Сюй Миншэн сильно хлопнул Ли Чжэна по плечу.

Сила удара была немалой!

Поскольку академический доклад был завершен, группа из Гонконгского университета почувствовала, что с их плеч свалилась огромная тяжесть. После ужина все шестеро, включая

Сюй Миншэна, не пошли в свои номера.

Сюй Миншэн вместе с профессором Чжао и профессором Ваном отправился в знаменитый токийский чайный дом, благородно назвав это: «расслабиться».

Что касается Ли Чжэна и остальных...

— Чжан Юэцзюнь, пойдем прогуляемся по магазинам, здесь много такого, чего нет в Сянцзяне, — как только профессора ушли, с нетерпением предложила Ян Нин.

Чжан Юэцзюнь, не задумываясь, отказался качанием головы. Сегодня он из-за патентов наматался так, что жизни не рад. Он считал, что сейчас ему нужно сделать только одно — вернуться в номер и хорошенько выспаться.

— Попроси Ли Чжэна.

Ян Нин холодно взглянула на него:

— Руки младшего ученика Ли Чжэна предназначены для экспериментов.

Чжан Юэцзюнь...

Ага, значит его руки созданы для того, чтобы таскать вещи.

Чжан Юэцзюнь посмотрел на Ли Чжэна. Его руки были с четкими линиями, суставы пальцев слегка выступали, бледная кожа под оранжевым светом гостиничных ламп казалась произведением искусства, которое должно находиться на выставочной витрине.

Он посмотрел на свои черные, грубые руки и вдруг подумал, что Ян Нин, пожалуй, права.....

.....

Большинство существующих в Хуаго линий по производству лекарств были сосредоточены в Хуацзине, Тяньцзине, Уши и Чжэнши. Эти заводы были государственными предприятиями, жившими по принципу уравниловки, и из-за жесткого контроля правительства над прибылью от лекарств производственная активность была крайне низкой.

Более того, производственные линии этих заводов были неполными. Полная линия должна включать все этапы от поставки сырья до упаковки. А многие базовые ингредиенты, необходимые для производства лекарств, страна не имела возможности извлекать сама.

Заводы этой эпохи в Хуаго назывались фармацевтическими, но по сути были предприятиями по переработке. Подобно Foxconn будущих времен, они выполняли лишь отдельные этапы сборки или производства компонентов. Но основные технологии и большая часть прибыли были им недоступны.

Ли Чжэн размышлял об этом, прогуливаясь после ужина. Когда он вернулся к двери своего номера, то обнаружил, что его уже ждут.

— Профессор Мэн, профессор Чэнь? — Ли Чжэн удивился, быстро сделав два шага и открыв дверь.

— Как вы нашли время прийти? Это я должен был навестить вас, — он слегка отступил в сторону, жестом приглашая войти.

Мэн Цзяинь и Чэнь Аньбан не отказались и сразу вошли в номер.

Они сели на диван, а Ли Чжэн достал чашки и налил им воды.

— Ли Чжэн, ты действительно скромный человек! Оригинальный препарат! Сколько лет ученые Хуаго бились, но до сих пор не выпустили ни одного настоящего оригинального препарата! — Мэн Цзяинь смотрел на этого молодого человека со сложными чувствами.

Теоретические знания ученых Хуаго были весьма основательны. Вернувшись в номер, Мэн Цзяинь тщательно проанализировал молекулярную формулу лекарства Ли Чжэна и уже на шестьдесят процентов поверил в его подлинность.

Ли Чжэн придвинул чашку к Мэн Цзяиню:

— Старейшина Мэн, ученым Хуаго не хватает только продвинутой лаборатории.

Мэн Цзяинь горько усмехнулся:

— Но эту лабораторию непросто построить. Хотя мы и экономим каждую копейку, разделяя её надвое. Знаешь ли ты вибрационную платформу в физической лаборатории Академии наук Китая?

— Это прибор, имитирующий различные вибрации, возникающие при запуске ракет и полете ракет. Наши физики с деньгами в руках просят иностранцев продать им такие устройства, но те отказываются, это эмбарго.

— Не говоря уже о нашем лабораторном оборудовании, даже производственные линии для лекарств — это то, что иностранцы выбросили. Все лекарства в стране производятся на одной линии, независимо от их токсичности. Мы знаем, что так нельзя, но что поделаешь? Бедность.

Ли Чжэн молчал. С 50-х годов, после разрыва отношений с Советским Союзом, Хуаго оказался в технологической изоляции. И даже после того как в 1979 году были официально установлены дипломатические отношения с США, западные страны во главе с Америкой продолжали сдерживать развитие Китая, полностью запрещая продажу передовых технологий.

— Я, кажется, слишком много болтаю. Молодежь, наверное, не любит слушать такое, — увидев молчание Ли Чжэна, Мэн Цзяинь внутренне опечалился, но на лице сохранил улыбку.

Ли Чжэн покачал головой:

— Старейшина Мэн, вы напрасно переживаете. Мне просто немного стыдно, я... — Ли Чжэн знал, что выбрал самый быстрый и разумный путь, но глядя на этих старых ученых, посвятивших все силы стране, он все же чувствовал себя неполноценным.

Мэн Цзяинь улыбнулся.

— Ли Чжэн, я скажу прямо: мы приехали сюда не только для участия в конференции, но и с целью — привезти в нашу страну передовую линию по производству лекарств. А также машины для производства сырья. Многие виды сырья мы уже успешно получили в лаборатории, нам не хватает оборудования для массового производства, — Мэн Цзяинь с горящим взглядом смотрел на Ли Чжэна.

Ли Чжэн встал, взял документ с тумбочки и передал его Мэн Цзяиню.

— Старейшина Мэн, посмотрите, пожалуйста, на этот план.

— Клан Лян? — Мэн Цзяньинь слегка опешил. — Тот самый клан Лян, где был старейшина Лян Чжэньбан?

Из-за политики эмбарго и запрета на продажу, введенной странами Запада во главе с США, напрямую ввезти производственную линию во внутренние районы Хуаго было невозможно. Поэтому Ли Чжэн придумал купить линию через компанию Сянцзяна, а затем построить завод внутри страны.

Но как только этот план появился, Чэн Сяньфэн его отверг.

После визита Маргарет Тэтчер в Хуаго и ее неудачных переговоров с Дэн Сяопином политическая обстановка в Сянцзяне была крайне напряженной и неопределенной. Ты думаешь, правительство Сянцзяна состоит из дураков, если занимаешься офшорным контролем и транспортировкой технологий?

Сейчас губернатор Сянцзяна еще на посту, и руководство Великобритании и Северной Ирландии по-прежнему твердо утверждает, что остров Сянцзян, в отличие от арендованной территории Синьцзе, является землей Британской империи. К тому же сам Ли Чжэн был гражданином Хуаго, и даже если бы он смог купить передовую производственную линию, таможня Сянцзяна не позволила бы вывезти ее за пределы острова.

Поэтому Чэн Сяньфэн упомянул клан Лян. Будучи местной влиятельной семьей Сянцзяна, клан Лян, хоть и пострадал от недвижимости, но «верблюды, хоть и худой, все еще больше лошади», корни Ляна сохранились, он по-прежнему оставался крупнейшим землевладельцем Сянцзяна и контролировал два из пяти крупнейших портов острова.

У него была своя транспортная компания и свои корабли. К удивлению Ли Чжэна, этот клан Лян, который в прошлой жизни уже исчез, просто ещё занимался фармацевтической индустрией.

<http://bllate.org/book/17704/1653474>